

БИБЛИОГРАФИЯ

DOI 10.25991/VRHGA.2025.4.4.022

УДК 1(091)

А. А. Иванов*

**ГОЛИК Н. В. ЭТИЧЕСКОЕ В КУЛЬТУРЕ: МОНОГРАФИЯ.
2-е ИЗД. СПб.: ИЗДАТЕЛЬСТВО РХГА, 2024. 216 с.**

A. A. Ivanov

*GOLIK N. V. ETHICAL IN CULTURE: A MONOGRAPH.
2nd ED. ST. PETERSBURG: PUBLISHING HOUSE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF FINE ARTS, 2024. 216 p.*

Монография Надежды Васильевны Голик «Этическое в культуре» представляет собой ряд очерков, объединенных этической проблематикой и обращением к художественному опыту XX в. для понимания этических проблем современности. Думается, что большая часть очерков, составивших монографию, была написана в 1990–2000-х гг. Текст разворачивается как взаимодействие дискурсов философии, художественной и моральной критики. Круг затрагиваемых имен из истории философии обширен, но ограничен в основном двумя временными полюсами — античным (Платон, Аристотель, Плутарх) и современным (С. Кьеркегор, П. Флоренский, И. А. Ильин, русские религиозные философы, франкфуртская школа, М. К. Мамардашвили, В. В. Библихин и др.). Среди художественных персоналий читателю встретятся А. Стриндберг, В. Набоков, Э. Хемингуэй, Т. Уильямс, С. Виткевич, Э. Уорхол и другие, чье творчество, по мнению автора, обладает эвристическим потенциалом для осмысления социокультурной ситуации «антропологической катастрофы» в современной России.

Метод размышления, применяемый автором книги, я бы назвал *ассоциированием* философских категорий и теорий, художественных образов, биографических

---

* Иванов Андрей Анатольевич — д-р филос. наук, larsandr@mail.ru, проф. каф. философии, религиозноведения и педагогики, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

Andrei A. Ivanov — Doctor of Philosophy, larsandr@mail.ru, Professor of Department of Philosophy, Religious Studies and Pedagogy, Russian Christian Humanitarian Academy.

нарративов, моральных и религиозных концептов, часто опирающихся на метафорические уподобления и метонимические переносы. Так, в параграфе «Этика и культура» содержится характерная цепь рассуждений: «...этическое как трансценденция является фундаментальным, конституирующим основанием способности ощущать, воспринимать, понимать, осмысливать и поступать многомерно. Учитывая переплетение, игру, “симфонию” мотивов и выбирая из нее основной, и находя соответствующее место лейтмотиву, аккомпанементу и т. д. Это и есть иерархия, которую большой и настоящий художник выстраивает, больше полагаясь на чувства, на мудрость безрассудства, чем на разум... Таким образом, этическое является тем, что расширяет границы сознания и познания. Конкретизировать суждение можно, возвращаясь к проблеме нуминозности этического. Философия и искусство, начиная с романтиков, решают эту проблему по-своему и однозначно: совершенным образом этического предстает музыка» (с. 54). Фундируя этическим перцепцию, познание и действие, автор метафорически уподобляет этическое музыкальной форме, вследствие чего художественная интуиция становится этическим инстинктом, а музыка (следуя сделанному уподоблению) — его совершенным выражением. Иллюстрацией идеи этической природы музыки становится анализ творчества Набокова, в котором автор открывает роль музыкальных мотивов и ссылок в раскрытии моральной проблематики.

Рассмотрим несколько статей, которые представляются интересными и показательными. Первый очерк «Аристотель и Плутарх: два типа этической рефлексии» начинается с обсуждения числового значения буквы Е (эпсилон), пятой буквы греческого алфавита и первой в слове «этос» в значении «привычка». Плутарх, будучи верховным жрецом в храме Аполлона в Дельфах, на фронтоне которого была начертана Е, утверждал, что она означает обращение к Богу и его присутствию. Для автора книги знак божественного присутствия в начале слова «этос» не является случайным. Эта коннотация — результат метонимического переноса значения письменного знака, взятого из одного контекста, на смысл слова, составляющего другой контекст. Но данную мысль автор будет развивать в другом месте, а здесь она сосредотачивается на идее этоса как привычки, разработанной Аристотелем, который «именуя этическим специальный класс добродетелей, неоднократно говорит о том, что привычка совершенствует нас и приучает к добродетели, укореня этическое» (с. 28). В качестве примера этического поведения как привычки «жизнестроения» автор рассматривает личность Плутарха, сохранявшего дистанцию от власти, роскоши, соблазнов и воплотившего в своей жизни полисный идеал «золотой середины».

Сквозной идеей параграфа «Этика и культура» является утверждение нуминозности этического. Этические ценности не поддаются логико-рациональной редукции, представляя собой формы, которые лишь «омывается мыслью» и выступают самодостаточными действующими причинами, *causa sui* этического поведения (с. 45). Этический поступок превращает человеческое бытие в опыт трансценденции — выхода за пределы эмпирической обусловленности. Использование религиозного термина «нуминозность» указывает на то, что этическое начало, по мысли автора, не может быть исчерпано нравственным долгом практического разума, но предполагает «обогащенное жизнью чувство» (с. 47), которое нетрудно отождествить с божественным

присутствием (помним про ϵ). Отсюда рождается рассуждение о взаимодействии и/или тождестве этики и искусства, так как эстетическое способно выразить нуминозность этического.

Иллюстрацию этой мысли находим в другой статье «Герой и его культ», посвященной творчеству Э. Хемингуэя и этической ценности мужества. Мужество «как состояние, где сосредоточена, сконцентрирована фундаментальная способность человека сопротивляться, его постоянное усилие быть человеком» сопоставляется с мистическим «пятым измерением» — *perpetual now*, соединяющим вечность с мгновением (с. 96). Хемингуэй воплощает мужественное состояние «вечного сейчас» в своих произведениях, в жизни и в собственной смерти как «очередном витке мужества».

Другой аспект этического освящается в параграфе «Zoon politicon», где автор обращается к проблеме сопротивления злу в философии И. А. Ильина, его критике толстовской теории. Нравственность, по Ильину, заключается в построении стен для зла, «умении самостоятельно строить, поддерживать и отстаивать эти стены» (с. 70). Нравственность нуждается не только в личном самопринуждении, но и в социальном, государственном понуждении и пресечении зла. Оправданием «меча», гарантией от несправедности насилия может быть только «духовность», причастность к божественному: «настроенность души и соответствующая этой настроенности жизнь, при которых человеческая душа и вся человеческая культура получают высшее измерение, высшее значение и истинные полноту и ценность» (с. 74). Автор, к сожалению, не замечает того, на что обратили внимание критики Ильина Н. А. Бердяев и В. Зеньковский, — на связывание Бога и Родины, сводящейся, в свою очередь, к государственной власти. Когда государство получает в свои руки божественную (или аналогичную ей) индульгенцию, оно легко может освободить себя от нравственных самоограничений. Но если, оставив в стороне мысли о государстве, признать ядром нравственной культуры нуминозную, а следовательно, религиозную связь с трансцендентным «инобытием», укорененную при этом в отдельной, локальной традиции (русском православии, например), то задачу нравственного сопротивления злу можно свести к сохранению этого нравственно-религиозного ядра в неизменном состоянии и ограждении его от глобальных влияний. Из этой логики становится понятным и даже неизбежным переход автора к теме русской интеллигенции как проводников поверхностной европейской цивилизованности и к чаадаевской критике российской ментальности, бездумно и слепо приверженной чужим идеям (с. 78).

На страницах книги читатель встретит много интересных рассуждений и неожиданных сопоставлений: о бунтаре Альбера Камю и Владимире Высоцком, Франкфуртской школе, православной иконе, исихазме, театре абсурда и многом другом. Главную мысль книги я бы свел к формуле этического как трансцендентного (безусловного) самообусловливания человека, осуществляющегося в определенном культурном контексте и предполагающего регулярные и повседневные усилия личности по культивированию этой привычки. Главные проблемы, соответственно, касаются того, как трансцендентная этика сталкивается с имманентными социокультурными условиями на жизненной арене конкретной личности.